

DOI 10.15393/j10.art.2018.3741

Борис Николаевич Тихомиров

*доктор филологических наук,
заместитель директора по научной работе
Литературно-мемориального музея
Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге,
президент Российского общества Достоевского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

btikhomirov@rambler.ru

Неизвестный замысел критической статьи Ф. М. Достоевского о драме А. Ф. Писемского «Горькая судьбина»*

Аннотация. В статье на основе нового текстологического прочтения записи в перечне творческих планов Достоевского рубежа 1859–1860 гг. («Анания и впечатления» вместо принятого в академической публикации «Апатия и впечатления»), а также анализа его переписки конца 1859 г. с Плещеевым, из которой следует, что писатель восторженно отнесся к литературной новинке этого времени — драме А. Ф. Писемского «Горькая судьбина», высказывается и обосновывается гипотеза о намерении Достоевского написать литературно-критическую статью, посвященную этому произведению с преимущественным вниманием к его главному герою — крестьянину Ананию Яковлеву. В общих чертах характеризуется предполагаемое содержание этого неосуществленного замысла.

Ключевые слова: Достоевский, Писемский, «Горькая судьбина», неосуществленный замысел, текстология, историко-литературный комментарий, литературно-критическая статья

Связь текстологии и историко-литературного комментария — важный, но далеко не самоочевидный принцип. Может показаться, что для аутентичного прочтения сложного места в автографе текстологу прежде всего требуется острота профессионального зрения. Однако на практике нередко случается, что даже прекрасно освоивший особенности письма того или иного автора специалист, готовящий рукопись к публикации, проведя скрупулезный анализ графического облика сложного места автографа, оказывается либо в ситуации «текстологической неопределенности», вызванной множественностью графически равноправных вариантов, либо в недоумении от того результата, в котором убеждает его профессионально искусственное зрение. И тут критерием аутентичности или правомочности полученного прочтения может стать историко-литературный комментарий, создающий более широкий и качественно иной контекст, нежели локальный контекст самого автографа, позволяющий текстологу укрепиться в том нетривиальном решении, принять которое на основе одного лишь графического анализа он был не готов, сознавая его малодоказательность.

Дальнейшее изложение ставит своей задачей проиллюстрировать указанный принцип связи текстологии и историко-литературного комментария. Причем сугубый интерес приводимого примера состоит в том, что в качестве

текстологического материала взят автограф Достоевского, уже не однажды публиковавшийся, в том числе и текстологами как 1-го (1972), так и 2-го (2014) академического Полного собрания сочинения писателя¹. Однако методика, примененная автором данной публикации, позволила предложить новое прочтение, казалось бы, давно и хорошо освоенного автографа и подвести под него достаточно прочные, как представляется, историко-литературные основания².

Творческих рукописей Достоевского 1850-х гг. практически не сохранилось. До нас не дошли ни подготовительные материалы к «Дядюшкиному сну» или «Селу Степанчикову и его обитателям», над которыми писатель работал в Семипалатинске, ни черновые записи, отражающие начало работы над «Записками из Мертвого Дома». Единственным исключением являются наброски, сделанные писателем на отдельных листках, сложенных в небольшую самодельную «тетрадку», которые можно достаточно точно датировать ноябрем 1859 — началом января 1860 г.³ Большую часть этих листков занимает датированный «23 ноября <1859 г.>» (с некоторыми дополнениями под датой «7 января <1860 г.>»)⁴ развернутый проспект неосуществленной повести «Весенняя любовь», записанный под рубрикой «Новые идеи романов, драм, повестей» (см.: ПСС₂ 3; 497–501), а также наброски к критическому отзыву «Замечания на статью Семевского о книге Устрялова: Царевич Алексей Петрович»⁵ и выписка из статьи Л. Оптухина (И. В. Павлова) «Восток и запад в русской литературе»⁶ (см.: ПСС₁ 18; 104–107).

Кроме этих развернутых связных записей, на одной из страниц содержится лаконичный набросок в несколько строчек, озаглавленный «В 1860 год» (ПСС₂ 3; 501). В нем под № 1–5 перечислены названия произведений, над которыми Достоевский планировал работать в первый год после своего возвращения в Петербург⁷. Высказывалось мотивированное предположение, что первый из замыслов, названный в перечне «Миньона» (не без оглядки на «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гете и «Лавку древностей» Диккенса), предвосхищает сюжетную линию Нелли в романе «Униженные и оскорбленные» (см.: ПСС₂ 3; 667, 627–629, примеч.). Вторым зафиксирован уже упомянутый неосуществленный замысел повести «Весенняя любовь». Третьим номером идет «Двойник» с указанием в скобках: «переделать» — это планы переработки повести 1846 г. (позднее отразившиеся в двух сериях набросков в записных книжках Достоевского 1861–1862 и 1862–1864 гг.; см.: ПСС₂ 1; 607–614). Четвертыми названы «Записки каторжника», под которыми надо разуметь будущие «Записки из Мертвого Дома». Пятый пункт публикаторами академического Полного собрания сочинений дважды — и в 1-м, и во 2-м изданиях — прочитан как «Апатия и впечатления» (ПСС₁ 3; 447; ПСС₂ 3; 501)⁸.

Перечень этот, зафиксированный в верхней части оборота 4-го листа указанной «тетрадки», разрывает связную запись «Замечаний на статью Семевского...», расположенную на листах 3–4 об. и, следовательно, сделан

раньше них. С другой стороны, *название* замысла «Весенняя любовь», появившееся в наброске, датированном 23 ноября <1859 г.>, не предваряет начало записи (л. 1), а возникает на второй странице (л. 1 об.) в процессе письма, что позволяет считать его твердую фиксацию в перечне замыслов относительно более поздней по времени⁹. Таким образом, набросок-перечень «В 1860-й год» можно датировать в интервале между концом ноября 1859-го — началом января 1860 г.¹⁰

В 1-м академическом издании запись, сделанная под № 5, была кратко прокомментирована так: «“Апатия и впечатления” — по-видимому, один из публицистических замыслов Достоевского» (ПСС₁ 3; 540). Несколько более подробный комментарий находим в «Летописи жизни и творчества Достоевского»: «Возможно, что это условное название задуманной публицистической статьи <...>, связанной с недавно вышедшим романом Гончарова “Обломов”: в нем тема апатии является сквозной (апатия, т. е. “сон души”, — ч. II, гл. III — привычное состояние героя). Возможно, с этой же записью связан замысел статьи, условно названный “Гончаров”. — XX, 168» [Летопись...: 282].

В том же русле следуют и интерпретаторы этой записи в словаре-справочнике «Достоевский: Сочинения, письма, документы» (2008), подкрепляя и развивая соображение составителя «Летописи...» наблюдениями над употреблением в творчестве Достоевского слов «апатия» и «впечатления». В частности, ими указан фрагмент из «Петербургской летописи» (1847), в котором «апатия» как нередкое состояние типа современного мечтателя обусловлено у Достоевского именно «впечатлением», производимым действительностью на его сердце:

«Нередко же действительность производит впечатление тяжелое, враждебное на сердце мечтателя, и он спешит забиться в свой заветный, золотой уголок <...>. Мало-помалу проказник наш начинает чуждаться толпы, чуждаться общих интересов, и постепенно, неприметно, начинает в нем притупляться талант действительной жизни. Ему естественно начинает казаться, что наслаждения, доставляемые его своевольной фантазией, полнее, роскошнее, любовнее настоящей жизни. Наконец, в заблуждении своем он совершенно теряет то нравственное чутье, которым человек способен оценить всю красоту настоящего, он сбивается, теряется, упускает моменты действительного счастья и, в апатии, лениво складывает руки...» (ПСС₁ 18; 34).

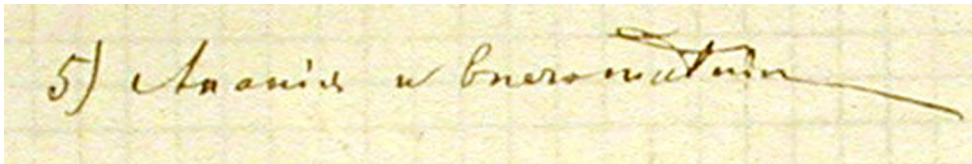
Здесь же высказано предположение, что роман Гончарова «Обломов», опубликованный в 1859 г., возможно, дал «импульс творческой мысли Достоевского, который планировал под новым углом зрения (по сравнению с повестью 1840-х гг. “Белые ночи”. — Б. Т.) вернуться к художественному анализу мечтательства как специфического явления национальной жизни»

[Загидуллина, Тихомиров: 280]. В такой перспективе неосуществленный замысел «Апатия и впечатления» квалифицируется не как публицистический, а с большей вероятностью — как замысел художественный. Продолжая данную мысль, можно было бы поставить в связь «апатию» из анализируемой записи с «сознательной инерцией» (ПСС₂ 5; 135) героя «Записок из подполья», который, действительно, становится в творчестве Достоевского 1860-х гг. новой, оригинальной вариацией типа петербургского мечтателя¹¹. Общая картина творческой эволюции писателя и место в ней замысла «Апатия и впечатления» обрисовались бы при таком взгляде достаточно органично.

Точка зрения составителя «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» И. Д. Якубович на неосуществленный замысел «Апатия и впечатления» как литературно-критический, связанный с романом И. А. Гончарова «Обломов», получила развитие в примечаниях ПСС₂. Но их составитель Т. С. Соколова не отвергает и точку зрения, высказанную авторами статьи в словаре-справочнике «Достоевский: Сочинения, письма, документы», интерпретировавшими «Апатию и впечатления» как замысел художественный. Приведя дополнительные наблюдения как в пользу одного, так и другого подхода, Т. С. Соколова заключает, что, «поскольку мы располагаем только условным названием неосуществленного замысла, однозначно ответить на вопрос о его жанре не представляется возможным» (ПСС₂ 3; 669, примеч.).

В результате вместо полутора строчек в ПСС₁ примечания к записи «Апатия и впечатления» в ПСС₂ занимают теперь почти две страницы, намечая несколько историко-литературных контекстов, в которых допустимо интерпретировать указанный замысел Достоевского.

Однако можно утверждать вполне определенно, что все эти интересные соображения основаны на недоразумении — неверном прочтении рассматриваемой записи из наброска «В 1860-й год». Как установлено текстологами Петрозаводского государственного университета, работающими под руководством проф. В. Н. Захарова, пятый пункт в перечне творческих замыслов писателя должно читать не как «Апатия и впечатления», но как — «Анания и впечатления». При обращении к автографу нельзя не согласиться, что это действительно так¹².

Илл. 1. НИОР РГБ. Ф. 93.1.3.1. Л. 4 об.

Как, однако, должна быть интерпретирована эта запись в новом прочтении? В поисках решения проблемы укажу, что в 1859 г., когда Достоевским был сделан набросок «В 1860-й год», наиболее заметным литературным явлением стала публикация в журнале «Библиотека для чтения» драмы А. Ф. Писемского «Горькая судьбина»¹³, среди главных героев которой — молодой крестьянин *Ананий Яковлев*. В свете этого факта запись из рассматриваемого перечня может быть истолкована как отражение намерения Достоевского написать литературно-критическую статью с разбором характера, типа героя Писемского. Писатель буквально планирует: «<Дать разбор> Анания...».

Насколько такая догадка выглядит правдоподобно?

А. Ф. Писемский вошел в литературу, когда Достоевский был на каторге. Его известность началась с публикации в журнале «Москвитянин» осенью 1850 г. повести «Тюфяк»¹⁴. Успех «Тюфяка» вызвал у Писемского энергичный прилив творческих сил. В начале 1850-х гг. он много печатается в московских и петербургских журналах. В 1853 г. уже выходит из печати трехтомник его «Повестей и рассказов», изданный при участии М. П. Погодина. Тогда же он начинает писать для сцены: первый его опыт в драматическом роде — комедия «Ипохондрик» (1852). Ко времени выхода Достоевского с каторги (январь 1854 г.) Писемский, наряду с Островским и Львом Толстым, — бесспорно, одна из наиболее значительных фигур в русской литературе, заявивших себя в последние четыре года.

О новом литературном явлении много и охотно пишет критика. Достоевский, по-видимому, первоначально познакомился с именем Писемского в одном из критических отзывов, скорее всего на трехтомник его сочинений. Уже в первом письме к брату Михаилу, которое он пишет сразу же по выходе с каторги (еще из Омска, где он целый месяц до отправки в Семипалатинск провел в гостеприимном доме К. И. и О. И. Ивановых), живо интересуясь новинками литературы и демонстрируя, что с первых же дней на свободе он начал жадно читать всё, что появилось в последнее время, Достоевский упоминает и Писемского как громкое, но неизвестное ему литературное имя: «Как ты с литературой и в литературе? Пишешь ли что-нибудь? — спрашивает он брата. — Что Краевский и в каких вы отношениях? Островский мне не нравится, Писемского я совсем не читал, от Дружинина тошнит, Евгения Тур привела меня в восторг. Крестовский тоже нравится» (ПСС₁ 28₁; 174).

«Москвитянин», в котором преимущественно печатался Писемский в 1850-е гг., раздобыть в Сибири, очевидно, было сложно. В письме уже 1856 г. из Семипалатинска тому же брату Михаилу Достоевский называет лишь те произведения Писемского, которые были опубликованы в «Современнике»: «Писемского я читал “Фанфарон” и “Богатый жених”, — больше ничего. Он мне очень нравится. Он умен, добродушен и даже наивен; рассказывает хорошо». При общей положительной оценке Достоевский тут же делает и критическое замечание: «...одно в нем грустно: спешит писать. <...> Идеи

смолоду так и льются, не всякую же подхватывать на лету и тотчас высказывать, спешить высказываться. <...> ...мне кажется, он мало сдерживает перо» (ПСС₁ 28₁; 210).

Еще через два года, в 1858 г., когда в «Отечественных записках» начинает печататься крупнейшее произведение Писемского этого десятилетия — роман «Тысяча душ» — Достоевский вновь горячо высказывается о столь интересующем его авторе. «Но неужели ты считаешь роман Писемского прекрасным? — пишет он брату в ответ на восторженную оценку Михаилом первой половины “Тысячи душ”¹⁵. — Это только посредственность, и хотя золотая, но только все-таки посредственность. Есть ли хоть один новый характер, созданный, никогда не являвшийся? Всё это уже было и явилось давно у наших писателей-новаторов, особенно у Гоголя. Это всё старые темы на новый лад. Превосходная клейка по чужим образцам, Сазиковская работа по рисункам Бенвенуто Челлини» (ПСС₁ 28₁; 312).

В отличие от предыдущих отзывов о произведениях Писемского это письмо от 31 мая 1858 г. интересно тем, что в нем Достоевский не ограничивается общими оценками, но переходит к критическому разбору отдельных образов романа. «Окончание 2-й части решительно неправдоподобно и совершенно испорчено, — продолжает он. — Калинович, обманывающий сознательно, — невозможен. Калинович по тому, как показал нам автор прежде, должен был принести жертву, предложить жениться, покрасоваться, насладиться в душе своим благородством и быть уверенным, что он не обманет. Калинович так самолюбив, что не может себя даже и про себя считать подлецом. Конечно, он насладится всем этим, переночует с Настенькой и потом, конечно, надует, но это *потом*, когда действительность велит, и, конечно, сам себя утешит, скажет и тут, что поступил благородно. Но Калинович, надувающий сознательно и *ночующий* с Настенькой, — отвратителен и *невозможен*, то есть возможен, только не Калинович...» (ПСС₁ 28₁; 312).

Этот пассаж важен для настоящего исследования тем, что в нем прорывается желание и готовность высказаться о творчестве Писемского в *литературно-критическом* ключе. Фактически перед нами искусно очерченная критическая миниатюра, которую вполне можно представить в составе журнальной статьи, посвященной разбору «Тысячи душ».

У меня, однако, речь идет не о романе «Тысяча душ», а о драме Писемского «Горькая судьбина», которая будет напечатана в следующем, 1859 г., в № 11 журнала «Библиотека для чтения».

Судя по сводному «Указателю имен» в последнем томе ПСС₁, среди опубликованных текстов Достоевского не только развернутых суждений (вроде приведенного выше о «Тысяче душ»), но и просто оценочных упоминаний «Горькой судьбины» как будто нет¹⁶. Вместе с тем достоверно известно, что писатель сразу же прочитал драму Писемского по ее опубликованию и горячо о ней высказался. Оценка «Горькой судьбины», причем чрезвычайно высокая, была дана Достоевским в несохранившемся, к сожалению, письме

А. Н. Плещееву из Твери в Москву от 10 декабря 1859 г. Об этом позволяет заключить ответное письмо корреспондента писателя от 13 декабря, в котором Плещеев, в частности, пишет: «Восторга твоего относительно драмы Писемского не разделяю, и ставлю Грозу неизмеримо выше» [Долинин: 449].

Во-первых, обращу внимание, что переписка Достоевского и Плещеева с обсуждением «Горькой судьбины» хронологически *абсолютно совпадает* с перечнем замыслов писателя, озаглавленных «В 1860-й год», где содержится запись «Анания и впечатления». Весь блок записей в самодельной «тетрадке» Достоевского я выше датировал ноябрем 1859-го — началом января 1860 г. Причем перечень замыслов по внешним признакам в автографе был отнесен мною ко времени не ранее 23 ноября. Этот факт, наряду с восторженной оценкой писателем «Горькой судьбины» и упоминанием в перечне имени главного героя драмы, делает выдвигаемую гипотезу вполне правдоподобной. О готовности Достоевского в конце 1850-х гг. высказаться о творчестве Писемского в литературно-критическом ключе выше также уже шла речь.

К сожалению, письмо Плещеева не позволяет конкретизировать восторженную оценку Достоевским «Горькой судьбины». Корреспондент писателя сосредоточивается на собственном критическом отношении к драме Писемского. Впрочем, можно осторожно предположить, что, «не разделяя восторга» Достоевского, А. Н. Плещеев, возможно, акцентирует в своем отзыве прежде всего те моменты, где позиции их не совпадают. Приведу поэтому его суждение о «Горькой судьбине» целиком. «По-моему, положения в этой драме как-то не выявлены, — пишет Плещеев, — и впечатление она оставляет не полное, неопределенное» [Долинин: 449]. Прервем пока здесь цитату и зададимся вопросом: не подсказало ли указание корреспондента Достоевского на неполноту и неопределенность целостного *впечатления* от драмы Писемского необходимости обратить в задуманной литературно-критической статье специальное внимание и к этой стороне художественной организации пьесы?¹⁷ В таком случае *формулировка* «Анания и впечатления» приобретает вполне внятное содержание, а датировка перечня замыслов может быть уточнена по соотношению с письмом Плещеева: предположительно не ранее середины декабря 1859 г.

Далее Плещеев переходит к рассмотрению отдельных образов «Горькой судьбины» (здесь он оказывается близок тому, как в 1858 г. Достоевский критически разбирал образ Калиновича из «Тысячи душ»): «Бабенка, — пишет он о Лизавете Яковлевой, — решительно не удалась. Не знаешь, что она такое — любит ли она действительно помещика (Чеглова-Соковнина. — Б. Т.) или ей только понравилось жить на барском дворе да барский ... попригляднее мужицкого показался. Самому герою (Ананию Яковлеву. — Б. Т.) — ты начинаешь сочувствовать только в конце пьесы — потому что он *несчастен* и в этом несчастии держит себя *честно*. — Но до этого времени — нельзя вполне принять его сторону, если всё, что рассказывает жена

его, о том, как ее отдали насильно, как он ревновал и бил и ругал ее, справедливо. Вот мое *личное* мнение...» [Долинин: 449].

Свое собственное впечатление Плещеев дополняет ссылкой на мнение актера Прова Садовского. «Ему нравится, — сообщает он Достоевскому оценку Садовского, — но и он говорит: нет, всё — не то, что-то; обстановка, второстепенные лица: Никон («задельный мужичонка». — Б. Т.), зять помещика (Золотилов. — Б. Т.) — чиновник (Шпрингель. — Б. Т.) — всего лучше. Так оно и есть» [Долинин: 449].

У нас нет данных, позволяющих говорить, насколько приведенные Плещеевым суждения о персонажах второго плана (свои и Прова Садовского) совпадали или не совпадали с оценками Достоевского, но в отношении Анания Яковлева они, судя по всему, должны были разойтись радикально. «Восторг» Достоевского, о котором свидетельствует его корреспондент, несомненно, был вызван главным героем «Горькой судьбины» (недаром и статью о драме Писемского он мыслит прежде всего как разбор «Анания»). В отзыве Плещеева, снисходительном, поверхностном и сопровождаемом рядом оговорок, о восторге говорить вообще не приходится.

Отмечу также, может быть и случайную, но тем не менее значимую деталь: в перечне замыслов «В 1860-й год» запись «Анания и впечатления» непосредственно следует за «Записками каторжника». Это напоминает нам, что восторженная оценка «Горькой судьбины», и прежде всего, как я предположил, ее центрального героя — трагической фигуры мужика-питерщика Анания Яковлева, из ревности и поруганного чувства справедливости совершившего в состоянии аффекта преступление (убившего прижитого его женой от барина грудного младенца) и покаянно принимающего за свой грех страдание, — что такая оценка этого типа из народной жизни дана автором будущих «Записок из Мертвого Дома», задумывающегося над «философией» преступления (ПСС₂ 4; 16), развернувшего в своей «каторжной эпопее» несравненную типологию преступлений, обусловленных как индивидуальными особенностями преступников, так и общим состоянием русской национальной жизни.

Трудно сказать, были ли в это время уже задуманы Достоевским финальные строки «Записок из Мертвого Дома», в которых сосредоточен пафос изображения писателем каторжного простонародья, но, несомненно, и крестьянин Ананий Яковлев, которого в финале драмы отправляют в острог, подпадает под эту проникновенную характеристику: «Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно» (ПСС₂ 4; 257)¹⁸.

Достоевский удивительно и порой неожиданно умел «додумывать» литературных героев, созданных другими художниками¹⁹. Можно только гадать, какие качества Анания Яковлева должны были привлечь его преимущественное внимание и могли бы быть акцентированы в задуманной

литературно-критической статье. Возможно — строгое и серьезное отношение героя к жизни, стремление жить в соответствии с христианской правдой, природное чувство собственного достоинства; возможно — глубина его самоосуждения, смирение в финале перед судьбою («горькой судьбиной») и народным миром, принятие на одного себя ответственности за всё произошедшее; возможно — что-то еще...

Наряду с Островским, Тургеневым, Львом Толстым для Достоевского конца 1850-х — начала 1860-х гг.²⁰ Писемский относится к тем немногим современным «замечательным писателям», обратившимся к темам «из народного быта», которые «взглянули *первые*, взглянули с новых и во многом верных точек зрения, заявили в литературе сознательно новую мысль высших классов общества о народе» (ПСС₁ 19; 178)²¹. Из переписки Достоевского известно, что он был знаком с вышедшей в 1856 г. книжкой А. Ф. Писемского «Очерки из крестьянского быта», включавшей рассказы «Питерщик», «Леший» и «Крестьянская артель»²². Однако оценка этих произведений писателем нам неизвестна. «Горькую судьбину», повторю это еще раз, Достоевский прочитал с «восторгом». Значит, можно утверждать, что слова о «новой и во многом верной точке зрения», «новой мысли <...> о народе», которые он находил в творчестве Писемского, в первую очередь необходимо отнести именно к этой драме. Таковой, как надо полагать, должна была стать и общая тенденция задуманной, но не осуществленной литературно-критической статьи Достоевского о «Горькой судьбине».

В заключение отмечу, что приведенное выше развернутое высказывание из письма А. Н. Плещеева о драме Писемского затем непосредственно переходит в обсуждение *еще не напечатанной* драмы А. Н. Островского «Гроза», премьеры которой совсем недавно прошла сначала в Малом театре в Москве, а затем в Александринском театре в Северной столице²³. Причем начинает Плещеев словами: «Жду нетерпеливо разбора твоего Грозы» [Долинин: 449]. Этот неожиданный поворот переписки требует пояснений. Как установлено совсем недавно, во время кратковременного приезда Достоевского из Твери в Петербург в конце ноября — начале декабря 1859 г. он видел на сцене драму Островского, о впечатлениях от которой по возвращении в Тверь сообщил в письме Плещееву²⁴. Можно предположить, что суждения Достоевского об *увиденной* «Грозе» и *прочитанной* «Горькой судьбине» в его несохранившемся письме Плещееву от 10 декабря 1859 г. были как-то соотносены. Причем, возможно, драма Писемского была оценена им выше, нежели драма Островского. Скорее всего, именно реакцией на эту *взаимную* оценку Достоевским двух выдающихся отечественных драматических произведений, появившихся почти одновременно и независимо друг от друга, и была уже приведенная реплика из ответного письма Плещеева от 13 декабря: «Восторга твоего относительно драмы Писемского не разделяю и ставлю Грозу неизмеримо выше».

При общей высокой оценке Достоевским творчества А. Н. Островского 1850–1860-х гг. прямые его оценки драмы «Гроза» неизвестны. Как знать, возможно, в задуманной литературно-критической статье о «Горькой судьбине» он также планировал затронуть соотношение двух этих произведений. В таком случае надо выразить сугубое сожаление, что этот замысел Достоевского остался неосуществленным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ). Проект № 16–18–10034 «Рабочие тетради Ф. М. Достоевского: первая полнотекстовая публикация автографов в их динамической транскрипции», Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
- ¹ Ссылки на изд.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990 — приводятся с пометой ПСС₁; ссылки на изд.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2013–2016. Т. 1–6 (издание продолжается) — с пометой ПСС₂. Далее ссылки на эти издания приводятся в тексте статьи с указанием тома (для томов ПСС₁ 28–30 также полутома (нижний индекс)) и страницы арабскими цифрами в круглых скобках. Курсивные выделения в цитатах принадлежат Достоевскому (или иному цитируемому автору), полужирные — автору статьи.
 - ² Автор настоящей статьи пересматривает здесь и свои собственные позиции, получившие развитие (правда, без обращения к текстологическому аспекту проблемы) в публикации: [Загидулина, Тихомиров].
 - ³ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 93.1.3.1.
 - ⁴ Первоначально в автографе была проставлена дата «23 июня», затем зачеркнутая и замененная на «23 ноября». На этом основании в примечаниях ПСС₂ утверждается, что «23 июня был зафиксирован только самый первоначальный проект плана» «Весенней любви», а «основная часть записей была сделана 23 ноября и 7 января» (ПСС₂ 3; 661). Однако такое истолкование можно было бы принять лишь в том случае, если бы исправление даты было сделано *над строкой* или *текст по тексту*, однако анализ автографа, в котором исправление сделано *в той же строке, по ходу письма*, свидетельствует об одновременности исходной записи и правки. В задачу текстологический анализ не дает оснований выделять в автографе «первоначальный набросок» и «основную часть записей»: весь текст на странице с очевидностью записан за один присест. Сказанное позволяет интерпретировать первоначальную дату «23 июня» как механическую опisku, сразу же исправленную Достоевским, и датировать весь первоначальный набросок 23 ноября <1859 г.> (приписки на полях, сделанные другими чернилами, датируются 7 января <1860 г.>).
 - ⁵ Анализ чернил и положение в «тетрадке» позволяет заключить, что конспект делался одновременно с набросками к «Весенней любви», датированными 7 января 1860 г., или несколько позднее их.
 - ⁶ Комплект еженедельника «Московский вестник» за 1859 г. был отправлен Достоевскому в Тверь А. Н. Плещеевым 26 октября 1859 г. О том, что писатель не был знаком со статьей Павлова и не конспектировал ее прежде, свидетельствует раскрытие им в выписке псевдонима Л. Оптухин (о том, что за ним скрывается И. В. Павлов сообщалось в письме Плещеева от 27 октября 1859 г.) (см.: [Литературный архив...: 261]). Характер автографа (чернила, почерк, расположение в «тетрадке») дополнительно позволяет заключить, что

- выписка, скорее всего, была сделана одновременно с наброском к «Весенней любви» от 23 ноября или даже несколько позднее (ср.: ПСС₁ 18; 292, примеч.).
- ⁷ Кроме того, в самой гуще набросков к повести «Весенняя любовь» под повторно представленной датой «23 ноября» сделана запись, в которой намечены еще два неосуществленных замысла: 1) «План трагедии “Фатум”»; 2) «План комедии: барыня сажает в карцер женатого учителя за то, что он женат» (ПСС₂ 3; 501).
- ⁸ Так же данная запись прочитана и первым ее публикатором; см.: [Гроссман: 97]. О прочтении этой записи составителями «Описания рукописей Ф. М. Достоевского» (1957) см. ниже в примеч. 12.
- ⁹ Факт, что в перечне отсутствуют датированные 23 ноября замыслы трагедии «Фатум» и комедии о барыне и учителе, свидетельствует лишь о том, что они были зафиксированы Достоевским, так сказать, «впрок» и не стояли в повестке творческой работы писателя на ближайший год.
- ¹⁰ Основания для возможного уточнения этой датировки см. ниже.
- ¹¹ См.: [Одинок].
- ¹² В этой связи можно отметить, что в фундаментальном «Описании рукописей Достоевского» воспроизведение этой записи сопровождается знаком сомнения: «Апатия [?] и впечатления» [Описание рукописей Ф. М. Достоевского: 122]. К сожалению, публикаторы как ПСС₁, так и ПСС₂, идя здесь вслед за Л. П. Гроссманом, не уделили должного внимания этому предостережению.
- ¹³ См.: Библиотека для чтения. 1859. Т. CLVII. № 11.
- ¹⁴ Опубликованный в № 7 «Сына отечества» за 1848 г. рассказ Писемского «Нина» прошел совершенно незамеченным. О знакомстве с ним Достоевского нет оснований говорить.
- ¹⁵ Письмо Михаила от 5 мая 1858 г. не сохранилось. Заключаем о его содержании по ответному письму Достоевского. Интересно, что в это же время о «Тысяче душ» Достоевскому из Оренбурга в Семипалатинск также восторженно писал А. Н. Плещеев: «Читаете ли вы 1000 душ, Писемского, в Отеч^ественных> Зап^исках»? По-моему, это такая вещь, перед которой вся нынешняя пишущая братья — бледнеет. Сколько правды и знания русской действительности! Здесь характеры есть...» [Долинин: 441].
- ¹⁶ Сообщение брату Михаилу из Москвы 19 ноября 1863 г. о том, что в Малом театре состоялась премьера «Горькой судьбины», но Достоевский на ней «не был» (ПСС₁ 28₃; 57), и вскользь упомянутое имя героя драмы («Ананий Яковлев») в записной тетради 1876–1877 гг. в данном случае в счет не идут (см.: ПСС₁ 24; 190).
- ¹⁷ Это суждение А. Н. Плещеева, действительно, является субъективным и поверхностным. Ср., для примера, прямо противоположную оценку, принадлежащую И. Ф. Анненскому, который исключительно высоко оценивал «Горькую судьбину» как начало «новой русской драмы»: «В пьесе буквально нет ни одного явления, которое бы не было нужно для ее развития, и действие развивается цельно и непрерывно» [Анненский: 60]. Хочется думать, что «впечатление» Достоевского от драмы Писемского в целом было гораздо ближе к Иннокентию Анненскому, нежели к Плещееву.
- ¹⁸ При рассмотрении образа Анания Яковлева в соотношении с героями «Записок из Мертвого Дома» интересно отметить, что длительное время, когда большая часть пьесы (три действия) была им уже написана, драматург мыслил финал существенно иначе: «Ананий должен сделаться атаманом разбойничьей шайки и, явившись в деревню, убить бурмистра» (свидетельство Писемского в записи членов его семьи цит. по: Писемский А. Ф. Собр. соч.: в 9 т. М., 1959. Т. 9. С. 608, примеч.).

- ¹⁹ Отмечу любопытные размышления Достоевского в записной тетради 1876–1877 гг. о грибоедовском Чацком *в остроге* и отношениях его с каторжниками, «если б его сослали» (ПСС₁ 24; 244).
- ²⁰ В 1870-е гг. отношение Достоевского к Писемскому, напротив, резко негативное: в его отзывах преобладают отрицательные оценки; см., напр.: «...реалист Писемский — <...> это водевиль французский, который выдают нам за русский реализм» (ПСС₁ 12; 5). Охлаждение наметилось уже к середине 1860-х гг., когда в записной книжке Достоевского 1864–1865 гг. появляется раздраженная заметка: «Весь реализм Писемского сводится на знание, куда какую просьбу нужно подать» (ПСС₁ 20; 203).
- ²¹ Для точности отмечу, что Достоевский тут же сопровождает эту характеристику целой серией оговорок: «...хоть они все вместе взглянули на народ вовсе не так уж слишком глубоко и обширно (народа так скоро разглядеть нельзя, да и эпоха не доросла еще до широкого и глубокого взгляда)» (ПСС₁ 19; 178).
- ²² См. письмо М. М. Достоевскому от 9 октября 1859 г. (ПСС₁ 28; 349).
- ²³ Публикация «Грозы» состоится в № 1 «Библиотеки для чтения» за 1860 г.
- ²⁴ См.: [Тихомиров, 1998, 2004], [Федоренко].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненский И. Ф. Горькая судьбина // Анненский И. Ф. Книги отражений. — М.: Наука, 1979. — С. 44–63.
2. Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: Биография в датах и документах. — М.; Л.: Academia, 1935. — 383 с.
3. [Долинин А. С.] Ф. М. Достоевский: Материалы и исследования / под ред. А. С. Долинина. — Л.: Изд-во АН СССР, 1935. — 619 с.
4. Загидуллина М. В., Тихомиров Б. Н. Апатия и впечатления // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. — СПб., 2008. — С. 279–280.
5. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993. — Т. 1. — 544 с. (составитель раздела И. Д. Якубович).
6. Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения: в 6 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. — Т. 6. — 482 с.
7. Одинокое В. Г. Типы «мечтателя» и «подпольного»: Художественная диалектика образов // Одинокое В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. — Новосибирск: Наука, 1981. — С. 41–76.
8. Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 589 с.
9. Тихомиров Б. Н. Кто же был автором разбора драмы А. Н. Островского «Гроза»? (О статье Б. В. Федоренко «Ф. М. Достоевский — автор разбора драмы А. Н. Островского “Гроза”») // Достоевский и мировая культура. — СПб., 1998. — № 11. — С. 148–155.
10. Тихомиров Б. Н. Вновь об обстоятельствах присутствия Достоевского на премьере «Грозы» А. Н. Островского (Ответ Б. В. Федоренко) // Достоевский и мировая культура. — СПб.; М., 2004. — № 20. — С. 333–341.
11. Федоренко Б. В. Чтобы закончить: (О споре по поводу авторства разбора драмы А. Н. Островского «Гроза») // Достоевский и мировая культура. — СПб., 2007. — № 23. — С. 279–280.

Дата поступления в редакцию: 19.10.2018

Дата публикации: 10.12.2018

Boris N. Tikhomirov

*Doctor of Philology,
Deputy Director of Academic Affairs,
The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg,
the President of the Russian Dostoevsky Society
(Saint Petersburg, Russian Federation)*
btikhomirov@rambler.ru

An Unknown Conception of Dostoevsky's Critical Essay About the Play "A Bitter Fate" by A. F. Pisemsky

Acknowledgements. The article was written with the support of Russian Science Foundation (RSF), grant no. 16-18-10034.

Abstract. Based on a new textological interpretation of a record in Dostoevsky's plan list at the turn of 1859–1860 ("Anania and impressions" instead of a more common in the academic publication "Apathy and impressions") as well as on the analysis of his correspondence of the end of 1859 with Pleshcheev in the article is put forward a thesis about the intention of Dostoevsky to write a literary and critical essay dedicated to this literary work making an emphasis on its main character — peasant Anany Yakovlev. The supposed content of that unrealized intention is subject to analysis in this article.

Keywords: Dostoevsky, Pisemsky, "A Bitter Fate", an unrealized intention, textual criticism, historic and literary commentary, literary and critical essay

REFERENCES

1. Annenskiy I. F. A Bitter Fate. In: *Annenskiy I. F. Knigi otrazheniy* [Annenskiy I. F. Books of Reflections]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 44–63. (In Russ.)
2. Grossman L. P. *Zhizn' i trudy F. M. Dostoevskogo: Biografiya v datakh i dokumentakh* [Life and Works of F. M. Dostoevsky: Biography in Terms of Dates and Documents]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 383 p. (In Russ.)
3. Dolinin A. S. *F. M. Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935. 619 p. (In Russ.)
4. Zagidullina M. V., Tikhomirov B. N. Apathy and Impressions. In: *Dostoevskiy: Sochineniya, pis'ma, dokumenty* [Dostoevsky: Works, Letters and Documents]. St. Petersburg, 2008, pp. 279–280. (In Russ.)
5. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 1. 544 p. (In Russ.)
6. *Literaturnyy arkhiv: Materialy po istorii literatury i obshchestvennogo dvizheniya: v 6 tomakh* [Literary Archive: Materials on the History of Literature and Social Movement: in 6 Vols]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1961, vol. 6. 482 p. (In Russ.)
7. Odinokov V. G. The Types of a "Dreamer" and the "Underground": Artistic Dialectics of Images. In: *Odinokov V. G. Tipologiya obrazov v khudozhestvennoy sisteme F. M. Dostoevskogo* [Odinokov V. G. Typology of Images in the Artistic System of F. M. Dostoevsky]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1881, pp. 41–76. (In Russ.)
8. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo* [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 589 p. (In Russ.)

9. Tikhomirov B. N. Who Was the Author of Analysis of the Drama “The Storm” by A. N. Ostrovsky? (About the Article of B. V. Fedorenko «F. M. Dostoevsky Is an Author of the Analysis of A. N. Ostrovsky’s Drama “The Storm”»). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura [Dostoevsky and World Culture]*. St. Petersburg, 1998, no. 11, pp. 148–155. (In Russ.)
10. Tikhomirov B. N. Again About the Circumstances of the Presence of Dostoevsky at the Premiere of “The Storm” by A. N. Ostrovsky (A Response to B. V. Fedorenko). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura [Dostoevsky and World Culture]*. St. Petersburg, Moscow, 2004, no. 20, pp. 333–341. (In Russ.)
11. Fedorenko B. V. To Round up (About a Dispute over the Authorship of Analysis of the Drama “The Storm” by A. N. Ostrovsky). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura [Dostoevsky and World Culture]*. St. Petersburg, 2007, no. 23, pp. 279–280. (In Russ.)

Received: October 19, 2018

Date of publication: December 10, 2018